

Русская литературная усадьба XIX-XX вв.: теоретический аспект исследований*

Russian Literary Estate of the XIX–XX Centuries: Theoretical Aspect of Research

Ольга Алимовна Богданова, *A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (IWL RAS)*
olgabogda@yandex.ru

Received: March, 17 2020.

Accepted: October, 20 2020.

АННОТАЦИЯ

В статье кратко представлена история изучения русской помещичьей усадьбы за последние 100 лет, имеющая междисциплинарный характер, и дан анализ состояния современного литературоведческого усадебоведения. Отмечено, что заметный интерес именно к литературной усадьбе появился в российской науке с конца 1990-х гг. За четверть века накоплено большое количество частных, локальных исследований, однако работы обобщающего характера по «усадебной» тематике единичны. Необходимость перехода от экстенсивной стадии изучения (захвата максимального количества материала) к интенсивной (осмыслению, углублению и обобщению полученных результатов) ощущается все острее. На этом пути серьезной проблемой становится отсутствие развитого, согласованного и эффективного аналитического инструментария, приспособленного к решению теоретико- и историко-литературных задач, связанных с осмыслением роли усадьбы в русской литературе и культуре. Попытка его создания и есть цель настоящей статьи. Здесь не только верифицируются уже имеющиеся термины и категории («усадебный топос», «усадебный хронотоп», «усадебный локус», «усадебный текст», «усадебная культура»), но и выдвигаются новые («гетеротопия усадьбы», «усадебный габитус»). Уточнив, разграничив и обосновав указанные понятия, мы надеемся предложить литературоведческому усадебоведению категориальный аппарат, пригодный не только для частных, но и для обобщающих исследований. Наряду с сочетанием герменевтического и историко-типологического подходов в русле системного анализа, в статье использованы элементы концептуального, историко-функционального, структурно-семиотического, а также компаративного и тезаурного методов.

Ключевые слова: русская усадьба, междисциплинарность, литературоведение, обобщающие исследования, категориальный аппарат.

ABSTRACT

The article briefly presents the history of studying the Russian landowner's estate over the past 100 years, which has an interdisciplinary character, and analyzes the state of modern literary studies of the estate. It is noted that noticeable interest in the literary estate has appeared in Russian science since the late 1990s. A large number of private studies have been accumulated over a quarter of a century, but there are only a few works of a generalizing nature on the "estate" subject. The need to move from the extensive stage of study (capturing the maximum amount of material) to the intensive stage (understanding, deepening and generalizing the results) is felt more and more acutely. Along this path, a serious problem is the lack of developed, coordinated and effective analytical tools adapted to solving theoretical and historical literary problems related to understanding the role of the estate in Russian literature and culture. The attempt to create it is the purpose of this article. It not only verifies existing terms and categories ("estate topos", "estate chronotope", "estate locus", "estate text", "estate culture"), but also puts forward new ones ("heterotopia of estate", "estate habitus"). By clarifying, distinguishing and justifying these concepts, we hope to suggest a categorical apparatus for literary studies that is suitable not only for private, but also for generalizing research. Along with a combination of hermeneutical and historical-typological approaches in the

* Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00129) «Русская усадьба в литературе и культуре: отечественный и зарубежный взгляд».

context of system analysis, the article uses elements of conceptual, historical-functional, structural-semiotic, as well as comparative and thesaurus methods.

Keywords: Russian estate, interdisciplinarity, literary studies, a synthesis of research, categorical apparatus.

Изучение роли помещицкой усадьбы в русской литературе началось в 1910–1920-е гг. (журналы «Старые годы», «Столица и усадьба», деятельность Общества изучения русской усадьбы – ОИРУ – в 1922–1930 гг.) и имело преимущественно описательный, консервирующий характер. В советские десятилетия образ дворянской усадьбы обычно воспринимался как идейно чуждое явление навсегда ушедшего «эксплуататорского» прошлого. Более объективное отношение к этому феномену, понимание его определяющего значения в культурной судьбе России «петербургского периода» начало складываться только с 1990-х гг. Так, в 1992 г. была возобновлена деятельность ОИРУ: проведение ежегодных научных конференций, экспедиций, выставок, регулярное издание сборников «Русская усадьба» и книг по «усадебной» тематике. В силу специфики объекта изучения, усилия ОИРУ с самого начала носили междисциплинарный характер, объединяя гуманитарно-географические, социально-экономические, исторические, культурологические, искусствоведческие, краеведческие и музеологические исследования. Литературоведческая составляющая представлена в сборниках «Русская усадьба» и других изданиях ОИРУ минимально, хотя именно литературная рефлексия в творчестве А.С. Пушкина, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, И.А. Бунина и др. сделала усадьбу визитной карточкой русской культуры в мире.

Со второй половины 1990-х гг. стали появляться отдельные литературоведческие исследования по «усадебной» тематике: монографии (см.: Шукин, 2007; Дмитриева, Купцова, 2008; Жаглова, 2006; Разумовская, 2014; Богданова, 2019а), диссертации (см., например: Попова, 2007; Глазкова, 2008; Жеребкова, 2012; Пырков, 2018; и др.), статьи (см., например: Доманский, 2006; Павлова, 2010; Сафронова, 2018; и др.). За 25 лет своего существования литературоведческое «усадебоведение» успело провести определенную каталогизацию и классификацию соответствующих текстов русской литературы, однако комплексные исследования обобщающего характера по «усадебной» тематике единичны. Необходимость перехода от экстенсивной стадии изучения (захвата максимального количества материала) к интенсивной (осмыслению, углублению и обобщению полученных результатов) ощущается все острее. На этом пути серьезной проблемой является отсутствие развитого, согласованного и эффективного аналитического инструментария, приспособленного к решению теоретико- и историко-литературных задач, связанных с осмыслением роли усадьбы в русской литературе и культуре.

Насущной задачей становится не широта анализируемого материала, а целенаправленность в выработке новой и применении уже существующей системы категорий литературоведческого анализа. Интеграция терминов из риторики (топос, пафос, прецедентный текст и др.), гуманитарной географии (литературное место, литературный ландшафт, литературно-географическое пространство и др.), искусствоведения (палитра, портрет, кисть, абрис, пластичность, полихромия и

др.), философии (габитус, гетеротопия, холизм и др.), социологии (детерминизм, гендер, маргинальность, лиминальность и др.) и других занимающихся усадьбой наук способствует созданию на почве литературоведения по возможности непротиворечивой и взаимодополнительной междисциплинарной *системы категорий и терминов* для всестороннего исследования образа усадьбы в русской и мировой литературе и культуре XVIII – начала XXI в. Первым этапом решения этой задачи станет выявление терминологического ядра, или системы ключевых понятий, точкой кристаллизации которой выступит «усадебный топос» как наиболее востребованная в литературоведческих работах категория. Это и станет целью настоящей статьи.

Содержание, которое вкладывают исследователи в понятие «усадебного топоса», настолько неопределенно, что необходима его верификация. Поэтому сначала уясним то, что мы подразумеваем под топосом. Практически исчерпывающие сведения о его границах, структуре и эволюции приведены в пособии А.А. Булгаковой «Топика в литературном процессе» (Булгакова, 2008). Кроме того, содержательные словарные статьи об этой заимствованной из риторики категории написаны А.Е. Маховым (Махов, 2004а; Махов, 2004б). Установочный характер носит для нас и классическая статья А.М. Панченко «Топика и культурная дистанция» (Панченко, 1986). Итак, ставший достоянием литературоведения в середине XX в. благодаря научной деятельности Э.Р. Курциуса, термин «топос» обнаружил свою продуктивность (см.: Махов, 2004а: 401). В современной науке о литературе топосы – это «регулярно повторяющиеся в творчестве писателя и в системе культуры формулы, мифы, мотивы и другие разновидности художественного образа, имеющие особые пространственные характеристики <...> и несущие устойчивые смысловые значения <...>» (Булгакова, 2008: 14, 55). По Курциусу, «всеприсутствие в европейской литературе топосов должно было <...> показать непрерывность линии, ведущей от античности к Новому времени» (Махов, 2004б: 264), свидетельствовать о единстве всей европейской культуры.

Не менее важным, чем сохранение смысловой идентичности во времени, является пространственный аспект категории топоса. Ведь само обращение к топике в настоящей статье продиктовано не только семантико-семиотическим пониманием усадьбы как одного из важнейших элементов «национальной аксиоматики» (Панченко, 1986: 248), но и надеждами на методологическую опору в лице современной мировой гуманитаристики. В первую очередь это понятие о набирающем силу в первые десятилетия XXI в. «пространственном культурном повороте». Выделяемые Д. Бахманн-Медик «культурные повороты» рубежа XX–XXI вв. (интерпретативный, перформативный, рефлексивный, постколониальный, переводческий, пространственный, иконический) «представляют собой не академические школы, но определенные ракурсы исследования, смены перспектив, при которых основные вопросы содержания переходят в методически существенные установки к исследованию» (Бахманн-Медик, 2017: 25). При этом отмечается «способность самих “поворотов” формировать инновационные концептуальные ракурсы исследований» (Бахманн-Медик, 2017: 31). «Новые повороты, – по мысли Бахманн-Медик, – постепенно возвращают те измерения культуры, жизненного мира, истории и прежде всего действий, которые были выключены, вытеснены языковой узостью лингвистического поворота», ставшего с 1960-х гг. основой мирового гуманитарного знания в лице структурализма, который,

как известно, исходил из того, «что к “аутентичной” действительности нет доступа» и «язык не описывает независимую от него, скрытую под ним действительность», «оказывается не инструментом описания действительности, но инструментом ее построения» (Бахманн-Медик, 2017: 41, 39). Именно в эпоху постмодерности «”пространство” стало новой центральной единицей восприятия и теоретическим концептом новейшего времени». Однако «в новой концептуализации под пространством понимается не территориальность <...>», а «социальное производство пространства как многослойного и часто противоречивого общественного процесса, специфическая локализация культурных практик, динамика социальных отношений, указывающих на изменчивость пространства» (Бахманн-Медик, 2017: 313).

В гуманитарных исследованиях начала XXI в., отмечает Д. Бахманн-Медик, «пространственная оптика охватывает <...> также пространства, которые определяются уже не только реально — территориально и физически — и уже не только символически, но являются и тем и другим одновременно» (Бахманн-Медик, 2017: 353), поэтому их, вслед за М. Фуко, точнее всего назвать гетеротопиями. Понятие гетеротопии было сформулировано французским философом в 1967 г. в докладе «Другие пространства»: «Пространство, где мы живем <...> является <...> гетерогенным. <...> мы живем в рамках множества отношений, определяющих местоположения, не сводимые друг к другу и совершенно друг на друга не накладывающиеся» (Фуко, 2006: 191). В отличие от утопий, гетеротопии, по Фуко, это «реальные, подлинные места, места, вписанные в конкретные общественные институты, но служащие своего рода “контрместоположениями” <...>» (Фуко, 2006: 196). Гетеротопия, продолжает философ, «имеет свойство сопоставлять в одном-единственном месте несколько пространств, несколько местоположений, которые сами по себе несовместимы», — «возможно, самым древним из примеров этих гетеротопий <...> является сад» как «счастливая и универсализирующая гетеротопия <...>» (Фуко, 2006: 200). Сад же, как известно, один из важнейших элементов «усадебного топоса». Поэтому в качестве инструмента анализа мы предлагаем новый термин — «гетеротопия усадьбы». Он только начинает использоваться в конкретных исследованиях (см.: Глухова, 2019; Богданова 2020а).

Понятие габитуса, выдвинутое П. Бурдьё, как нельзя лучше соответствует тому общему впечатлению, который лежит на представителях какого-либо топоса. В философской традиции габитус «обозначает сумму индивидуальных телесных навыков — походку, жестикуляцию, манеры, — цельное воплощение опыта конкретного человека в телесном сознании» (Батурчик, 2019). У Бурдьё он также включает в себя совокупность обладающих устойчивостью моделей восприятия и действия, которые индивид приобретает в процессе социализации, инкорпорируя способы мышления, чувств и действий (см.: Бурдьё, 2014: 167, 292). Допустимо говорить о габитусах социальных полей, к которым вполне может быть причислена помещицья усадьба. Думается, что для нужд дальнейших исследований целесообразно ввести еще одну новую категорию — «усадебный габитус». Его носителем сформированный «усадебным топосом» человек оказывается и в ситуации других топосов, вступая в неизбежный конфликт с присущими им габитусами или, напротив, теряя черты, характерные для габитуса усадебного. По точному наблюдению Л.Н. Летягина, усадебная традиция,

как «форма организации жизнедеятельности, <...> за короткий период формирует особый тип личности» (Летягин, 2004: 13), выработавший «все, что было в русской жизни спокойного, достойного, добротного, казавшегося утвержденным навсегда» (Бенуа, 1980: 505). Такая личность является воплощением «усадебного габитуса» и за пределами «усадебного топоса» – ведь сформированный топосом габитус способен сохранять устойчивость в других социальных полях.

Введение названных междисциплинарных понятий позволит нам подойти к «усадебному топосу» как к пространству, которое «само становится центральной аналитической категорией, принципом конструирования социального поведения, сферой материальности и близости опыту, стратегией репрезентации <...>. Пространственный ракурс, таким образом, позволяет осуществить целостный анализ того, что раньше рассматривалось скорее по отдельности: несоразмерное сосуществование повседневной жизни, взаимовлияние структур и индивидуальных решений <...>» (Бахманн-Медик, 2017: 361-362).

В связи с «усадебным топосом» также продуктивно вспомнить восходящие к Г. Башляру «образы *счастливого пространства*», «топофилии», «привязанности к любимому месту». Стремление французского искусствоведа «определить человеческую ценность пространств, всецело нам принадлежащих, защищенных от враждебных сил, пространств, нами любимых (Курсив Г. Башляра. – О. Б.)» (Башляр, 2004: 22, 27), вполне соответствует специфике «усадебного топоса» в русской литературе. По мысли Башляра, «образ дома (добавим: в том числе усадебного дома. – О. Б.) поистине дает принцип психологической интеграции» и «представляет топографию нашей глубинной сущности» (Башляр, 2004: 23).

Продуктивной для изучения усадебной топики является также работа молодых ученых А.В. Комковой и А.В. Решетовой, в которой выясняется соотношение понятий «топос» и «локус»: «Существует мнение, что локус — это составная единица топоса, обозначающая конкретное место в данном континууме. <...> Иногда топосу отводится роль обозначения языка пространственных отношений, пронизывающих художественный текст, тогда как локус соотносится с конкретным пространственным образом» (Комкова, Решетова, 2014). Думается, что в исследованиях об «усадебной культуре» целесообразно принять такое значение локуса, где он является не просто составной частью топоса как более крупной пространственной единицы (например, «топос русской усадьбы» и «локус Дарового»), но сугубым выразителем именно пространственного признака на фоне топоса как одной из общекультурных универсалий.

Необходимо также разграничить понятия «топоса» и «хронотопа» как литературно-художественного пространства-времени. Еще М.М. Бахтин указал на иерархию хронотопов по параметру их масштабности (см.: Бахтин, 1975: 234-407). Например, хронотоп окна входит в большие хронотопы города, помещицкой усадьбы, дачи, деревни, поезда, парохода и др. – и сам факт его принадлежности к тому или иному «материнскому» хронотопу во многом определяет характеристику «дочернего». В свою очередь, когда говорят о некоторых больших хронотопах, например усадьбы и дачи, охватывающих длительные временные периоды, то эти термины, по сути дела, синонимичны топосам как устойчивым формам национально-культурной аксиоматики (см.: Панченко, 1986: 248) и важнейшим элементам «семиотической памяти культуры»,

«имеющим особые пространственные характеристики» (Булгакова, 2008: 14, 16).

Как указывает Н.Д. Тмарченко, в бахтинском понимании хронотопа превалирует временно́е начало, а также он неразрывно связан с индивидуальной «точкой зрения» персонажа или автора-повествователя (Тмарченко, 2008: 287–288). По мнению другого исследователя, «хронотоп – неотъемлемый компонент построения индивидуально-авторской картины мира писателя» (Темирболат, 2012: 6). По-видимому, именно эти характеристики могут стать демаркационной чертой между хронотопами и топосами на уровне поэтики. Итак, наше понимание топика как кровеносной системы культуры предполагает следующее соотношение топоса и хронотопа: если хронотоп – это в первую очередь категория, релевантная отдельному художественному произведению, то посредством топосов оно вовлекается в общее многовековое культурное поле народа или человечества. Возможно, допустимо говорить о конкретных реализациях, или манифестациях, «усадебного топоса» в тех или иных хронотопах. Другими словами, хронотопы могут выступать как формы репрезентации топосов.

Разграничение понятий «усадебный топос» и «усадебный миф» также представляет несомненную важность. Не вдаваясь в подробный теоретический анализ, отметим следующее фундаментальное различие: топос – категория, связанная не только с пространственностью и культурной памятью, но и с многовековой продолжительностью, диахронией; миф же в Новое время способен спонтанно возникать в какой-либо точке культурного развития, становясь формой как идеологического, так и образно-интуитивного освоения новых социокультурных феноменов, задавая стратегию их встраивания в культурное поле нации, региона, мира. Кроме того, неомиф обычно «работает» в синхроническом модусе. Так, например, об «усадебном топосе» в русской культуре мы вправе говорить начиная с XVI по начало XXI в. А «усадебный миф» намного моложе: в результате аккумуляции «поэтосферы» русской усадьбы (см.: Кузнецова, 2020) он окончательно сложился только в 1910-е гг., на фоне общей мифологизации и архаизации в эпоху модернизма (см.: Дмитриева, Купцова, 2008: 3).

В содержательном аспекте, при несомненном сходстве деталей, сюжетов и образов, различие между «усадебным топосом» и «усадебным мифом» заключается в том, что первый в главных чертах репрезентирует исторические напластования эмпирического опыта усадебной жизни в России на протяжении нескольких столетий, тогда как второй создает умозрительное и во многом идеализированное представление о помещичьей усадьбе, возводя ее топографию и быт ее обитателей к библейскому архетипу – Эдему – или к вневременным античным мифам о Золотом веке и блаженной Аркадии. Другими словами, «усадебный топос» диахроничен и историчен, а «усадебный миф» – синхроничен и универсален. Если первый сохраняет тесную связь с окружающей социально-исторической средой, эмпирической действительностью, видоизменяясь параллельно с ней, то второй формируется в первую очередь на основе литературных произведений, выдвигая себя как подлинную интерпретацию реальности и даже как саму реальность, заслоняя тем самым реальность аутентичную.

В то же время оба понятия имеют общее семантическое поле, причем настолько обширное, что в исследовательской практике их нередко смешивают и употребляют как синонимы: это и топография, и структура усадьбы, и образно-персонажный ряд, и социокультурные формы, и система ценностных ориентаций. Характерно, что в

установочных для литературоведческого усадебоведения начала XXI в. монографиях В.Г. Шукина и Е.Е. Дмитриевой в соавторстве с О.Н. Купцовой мы встречаем различное понимание «усадебного мифа». В первом случае – более узкое: «Миф русской усадьбы – это миф о красоте “приютных уголков”, которую хранят в своей душе лучшие из тех, кто в этих “уголках” родился и вырос»; «<...> подобно подавляющему большинству мифов Нового времени, своими генетическими корнями он восходит к великим мифам древности – об утраченном рае, о благословенных местах и о чудотворной силе любви, которая способна победить смерть»; это устойчивое представление об усадьбе как «воплощении утонченности, красоты и благородства», «приюте муз и вдохновения» (Шукин, 2007: 159, 204, 297). Во втором случае мы имеем дело не только с утверждением, но и «развенчанием» идеального архетипа в пространстве «усадебного мифа» – ведь «усадебная Аркадия», восходящая к античной мифологеме Золотого века, «с самого начала была заряжена на смерть и разрушение»: «<...> параллельно с идиллическим осмыслением усадебной жизни мы наблюдаем еще и тенденцию видения ее в “страшном”, “бесовском”, “демоническом”, “ирреальном” свете» (Дмитриева, Купцова, 2008: 169, 92). На это накладывается двойственность образа русской усадьбы в социокультурном ключе – как места высокой мысли, одухотворенной любви и одновременно – «рабского труда и разврата» (Дмитриева, 2019: 141), – встающая из произведений русской литературы XVIII – начала XX в. Похоже, что Шукин ближе к классическому представлению о мифе как «отождествлении внутреннего и внешнего, субъекта и объекта, души и тела и вообще идеального и материального», которое, по мысли А.Ф. Лосева, происходит «в само́й реальной действительности» [Лосев, 1992: 406]. А в интерпретации Дмитриевой и Купцовой «усадебный миф» сходен с «усадебным топосом» в предлагаемом нами понимании.

Несколько слов о временны́х границах функционирования «усадебного топоса». Что касается нижней границы «усадебной культуры» в России, то ряд исследователей называют XVI в., когда после освобождения от ордынского ига и объединения земель вокруг Москвы, в процессе создания русского централизованного государства стремительно развивалась поместная система «как особая массовая форма землевладения, противостоящая привилегированному княжескому, боярскому и прочим вотчинам» (Иванова (Ред.), 2001: 51). Классическая усадьба, как известно, сформировалась гораздо позже, в последней трети XVIII в. Применимо ли к русским усадьбам XVI – середины XVIII в. понятие об «усадебном топосе», вопрос пока дискуссионный. Однако на практике он уже решается положительно, в частности при анализе образа усадьбы конца XVII в. в романах Д.С. Мережковского «Петр и Алексей» (см.: Богданова, 2019а: 239–240) и А.Н. Толстого «Петр Первый» (см.: Акимова, 2020).

Верхняя же временная граница «усадебного топоса», похоже, пока не просматривается. Эта продуктивная культурная модель, пережив в 1910–1920-е гг. расставание с традиционной дворянско-помещичьей усадьбой, распалась на ряд модификаций и вариаций, многие из которых сохранили жизнеспособность до наших дней (например, усадьба-музей, усадьба-санаторий, усадьба – историческое поселение). О пока неисследованных и нереализованных возможностях «усадебного топоса» в начале XXI в. свидетельствуют, к примеру, монографии С.Г. Кордонского «Россия: поместная федерация» (М.: Европа, 2010), А.С. Кривова и Ю.В. Крупнова «Дом в России.

Национальная идея» (М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004), С.А. Козлова «Российские ученые-аграрники XIX – начала XX в.: Историко-биографические очерки» (М.: Политическая энциклопедия, 2018), О.А. Богдановой «Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология» (М.: ИМЛИ РАН, 2019), а также блог Д.Б. Ойнаса «Ойкумена»¹⁸.

Говоря об эволюции «усадебного топоса», отметим, что в русской науке предтечей учения о топосах стала «Историческая поэтика» А.Н. Веселовского с ее задачей «определить роль и границы предания в процессе личного творчества» (Веселовский, 1989: 299). В соответствии с его учением топика является частью и одним из способов трансляции культурного «предания», традиции. По мысли А.М. Панченко, «взгляд на искусство как на “эволюционирующую топикку” <...> завещан нам фольклором и древнерусской письменностью» (Панченко, 1986: 236). В определениях русских ученых содержится идея о двойственном характере топосов: не только об их неизменности, но и об определенной динамике. Очевидно, что медленная эволюция семантики присуща топосам на протяжении столетий их бытования в той или иной культуре; однако резкая смена социокультурных парадигм способна, по-видимому, порождать в топике вариации, подчас до неузнаваемости меняющие ее внешние характеристики.

Так, «усадебный топос» существовал в русской культуре XVIII – начала XX в. в относительно неизменном виде, но под прессом социально-исторических катаклизмов 1910–1920-х гг. претерпел ряд модификаций. Из замеченных на сегодняшний день, это усадьба-музей (см.: Богданова, 2019б), город-сад (см.: Богданова, 2019в; Ворон (Скляднева), 2018), сельскохозяйственная кооперация (см.: Михаленко, 2019), коммуна бедноты в бывшей помещичьей усадьбе, усадьба-санаторий или дом отдыха, усадьба как образовательно-производственный комплекс (см.: Кромин, Шалыгина, 2018: 46–50) и как художественная коммуна (см.: Ворон (Скляднева), 2019) и др.

Перспективно также изучение вариантов «усадебного топоса» в парадигме литературно-художественных течений конца XIX – начала XXI в.: реализма, символизма, экспрессионизма, неореализма, футуризма, соцреализма, постмодернизма и др. К решению этой впервые поставленной задачи сделаны пока только самые первые подходы, – появляются исследования о его особенностях в произведениях русского символизма (см.: Глухова, 2020), футуризма (см.: Ворон (Скляднева), 2018), постмодернизма (см.: Богданова, 2020б; Спиваковский, 2020).

Так как само понятие «усадебного топоса» только формируется в науке, то его культурные границы все еще находятся в процессе определения: дискуссионными остаются вопросы, можно ли считать «усадебный топос» универсалией или это элемент исключительно русской «национальной аксиоматики», междисциплинарная это категория или сугубо литературоведческая. В ряде работ автора этой статьи приводятся аргументы в пользу ее универсальности и междисциплинарности. Например, при анализе цикла рассказов И.А. Бунина «Темные аллеи», созданного в середине XX в. вдали от родины, в Западной Европе, выясняется, что под прессом катастрофических перемен сформированный в рамках русской культуры «усадебный топос» ощутимо перестраивается в инонациональной среде, размыкает свои границы

¹⁸ <https://ojkumena-od.blogspot.com/> (accessed 20.11.2020)

и сближается с европейскими аналогами, восходящими к эпохе Возрождения (см.: Богданова, 2019г). Междисциплинарное, интермедиально-комплексное качество «усадебного топоса» выявляется, в частности, в статье, посвященной исследованию архитектурно-литературного облика русской усадьбы. Так, например, словесный образ в мире художественного произведения способен преобразить один архитектурный стиль в другой, как это произошло в рассказе Бунина «Несрочная весна», где ампириная усыпальница благодаря окружающему динамичному пейзажу превращается в восприятии читателя в барочный храм (см.: Богданова, 2019д). Универсализм «усадебного топоса» утверждается также в ряде новейших работ (см.: Русская усадьба и Европа, 2020).

Понимание структуры «усадебного топоса» на рубеже XIX–XX вв. – одна из приоритетных задач литературоведческого изучения. Она может быть решена только в сопоставлении с так называемым классическим «усадебным топосом» в русской литературе конца XVIII – первой половины XIX в., достаточно полное представление о котором дано в упомянутых выше монографиях Е.Е. Дмитриевой в соавторстве с О.Н. Купцовой и В.Г. Шукина. В монографии Д.С. Лихачева (см.: Лихачев, 1998) подробно рассказано о важнейшей составляющей «усадебного топоса» – саде и парке и их элементах, а также дается инокультурный фон развития этого сегмента «усадебной культуры». Существенный вклад в освещение указанной темы внесли статьи, опубликованные в сборниках ОИРУ с 1994 по 2018 г. (см., например: Иванова, 1994: 4–11; Веденин, 1994: 29–36; Стернин, 1994: 46–52; Нащокина, 1998: 316–345; Хворых, 1999: 11–17; Холодова, 2001: 56–73; Кошелев, 2003: 391–402; Борсук, Грищенко, 2004: 44–50).

Важные черты в картину «усадебного топоса» Серебряного века вносят работы А.Г. Разумовской. Благодаря им можно поставить вопрос о структуре «усадебного топоса»: семантико-семиотическом ядре (мифологема рая в элегическом или идиллическом модусе) и периферии (социальная критика, онтологическая «нечистота», а также «романтическая ирония») (см.: Разумовская, 2010: 18–19). В каких пропорциях эти элементы переходят в различные модификации «усадебного топоса», определяя их качественный статус, – вопрос, на который еще только предстоит ответить. На материале поэзии рубежа XIX–XX вв. Разумовская выделяет в изображении помещичьих усадеб два главных модуса – элегический и идиллический: ведь «на рубеже веков сосуществовали два типа усадеб: те, что, оскудевая, подвергались разорению, и те, что, сохраняя внешнее благополучие, превратились в место отдыха» (Разумовская, 2010: 18). Поэтому исследовательница рассматривает лирические образцы «усадебного текста» в двух модификациях: первая, элегическая, доминировала в доэмигрантском творчестве И.А. Бунина, в поэзии В.Я. Брюсова, И.Ф. Анненского, Н.С. Гумилева или на картинах В.Э. Борисова-Мусатова и других «мирискусников»; вторая связана «с идиллической тональностью» усадебной лирики А.А. Блока или К.Д. Бальмонта, в ее русле усадьба воспринималась как «прелестный уголок», питательная среда для творческого пересоздания мира (см.: Разумовская, 2010: 18). В структуре «усадебного топоса» указанные модусы – идиллический и элегический – определяют тональность семиотического ядра этой категории – усадебного «рая»; однако на периферии топоса усадьбы нередко возникает иная эмоционально-экспрессивная окраска – «романтическая

ирония», которую можно наблюдать в пародийно-игровой поэзии Вяч.И. Иванова, Андрея Белого, Эллы М.А. Кузмина, Г.В. Иванова и которая свидетельствует об «иллюзорности ретроспективных устремлений» Серебряного века (см.: Разумовская, 2010: 19).

В то же время работы Е.Е. Дмитриевой заставляют усомниться в монолитности самого семантико-семиотического ядра «усадебного топоса»: ведь уже на заре русской «усадебной культуры», в последней трети XVIII в., усадьба воспринималась одновременно и как обитель вечного блаженства, т.е. рай, и как юдоль смерти и разрушения. Реальная гибель усадебного мира в 1917 г., считает исследовательница, архитектурно и литературно была подготовлена всем предшествующим развитием «усадебной культуры». А идиллическое место, locus amoenus, изначально было наполнено страхами и страшными местами, чувством «конца»; инструментом материализации этой темы являются руины, гробницы и кенотафы, сооружаемые в усадьбах (см.: Dmitrieva, 2008). В результате семантико-семиотическое ядро «усадебного топоса» изначально предстает как бинарная оппозиция рая и ада, вечности и бренности, жизни и смерти, счастья и страха, блаженства и страдания, и т. п. Отмеченное обстоятельство способно полностью изменить представление о динамике «усадебного топоса» в XX–XXI вв., которая может быть корректно выявлена и адекватно исследована только с опорой на его устойчивые характеристики в русской литературе предшествующего периода.

На основе всего вышесказанного попытаемся собрать воедино актуальные на сегодняшний день черты «усадебного топоса» и дать ему рабочее определение, которое, безусловно, не претендует на окончательность хотя бы по причине продолжающейся дискуссионности многих затронутых в этой статье вопросов. Итак, под «усадебным топосом» мы понимаем продуктивную культурную модель, имеющую междисциплинарный и универсальный характер, сохраняющую свою семантико-семиотическую идентичность на протяжении длительных периодов времени и обладающую выраженными пространственными характеристиками – физическими, антропологическими и символическими. Благодаря своей диахроничности и историчности «усадебный топос» является не только важнейшим элементом национальной и общечеловеческой культурной памяти, но сохраняет тесную связь с окружающей социально-исторической средой и способен видоизменяться параллельно с ней. Наряду с многовековой устойчивостью смыслового ядра в структуре «усадебного топоса», резкая смена социокультурных парадигм (например, в литературе СССР и русской эмиграции XX в.) существенно модифицирует ее периферийные сегменты, порождая спектр вариаций, внешне далеких от привычных манифестаций «усадебного топоса» в русской классической литературе. Предлагаемая дефиниция, опираясь на исследования А.Н. Веселовского, Э. Курциуса, А.М. Панченко, А.А. Булгаковой, Г. Башляра, Д. Бахманн-Медик, В.Г. Шукина, Е.Е. Дмитриевой, О.Н. Купцовой, А.Г. Разумовской и др., во многом является результатом интеграции ряда их выводов с целью создания рабочего теоретико-литературного инструмента, способного к уточнению и развитию.

Для дальнейшей работы по изучению русской усадьбы в литературе и культуре необходимо также верифицировать понятия «усадебный текст» и «усадебная культура», которыми буквально пестрит научный дискурс по соответствующей тематике и в которые вкладываются значения, порой далеко отстоящие друг от друга. Отметим только, что впервые выдвинутая В.Г. Шукиным категория

«усадебного текста», ограниченная автором обязательным присутствием в его основе идиллически-элегического «мифа дворянского гнезда» (см.: Щукин, 2007: 316–337), в многочисленных исследованиях последнего десятилетия существенно раздвинула свои семантические рамки и в большинстве случаев понимается как любой художественный текст с усадебной тематикой.

Безусловно и настоятельно требует всестороннего определения многослойное понятие об «усадебной культуре», включающей в себя институциональную составляющую русской усадьбы (экономические, социальные и административные функции), способы межсословной коммуникации, традиции и систему ценностей в жизненном укладе, родовую память наряду с участием в большой истории страны, быт и повседневность, особенности ландшафтной организации, архитектуру, в том числе садово-парковую, и интерьеры построек, развитие библиотек, художественных коллекций, театра и т. д. Одно только перечисление важнейших аспектов «усадебной культуры» свидетельствует о том, что для раскрытия этого понятия необходимо отдельное объемное исследование междисциплинарного характера.

В заключение отметим, что полученное в результате исследования рабочее определение «усадебного топоса» как центральной категории литературоведческого усадебоведения позволило нам выявить семантико-функциональные поля и других, смежных с ней терминов. Так, под «усадебным локусом» теперь понимается не только более мелкая пространственная единица по сравнению с топосом, но и сугубое выражение пространственного признака на фоне топоса как одной из общекультурных универсалий. «Усадебный хронотоп» – это в первую очередь категория, релевантная отдельному художественному произведению и связанная с индивидуальной «точкой зрения» персонажа или автора-повествователя, чем принципиально отличается от топоса с его принадлежностью к общему многовековому культурному полю народа или человечества. «Усадебный миф» больше не синоним «усадебного топоса», а термин, указывающий на вневременную идеализацию помещичьей усадьбы в свете библейского архетипа – Эдема – и античных мифов о Золотом веке и блаженной Аркадии. Вновь выдвинутые термины «гетеротопия усадьбы» и «усадебный габитус» позволяют, с одной стороны, качественно расширить пространственность литературной усадьбы благодаря появлению символических, мифопоэтических и дискурсивно-антропологических векторов, с другой – дают возможность разглядеть «усадебный топос» под непривычными социокультурными оболочками. Итак, по возможности обрисовав семантические поля «усадебного текста», и «усадебной культуры», а также уточнив и разграничив понятия «усадебный топос», «усадебный локус», «усадебный хронотоп» и «усадебный миф», выдвинув такие категории анализа, как «гетеротопия усадьбы» и «усадебный габитус», мы определили тот основной инструментарий, с помощью которого надеемся открыть новые горизонты в изучении русской литературной усадьбы.

REFERENCES

Акимова, А.С. (2020). Своеобразие «усадебного топоса» в романе А.Н. Толстого «Петр Первый». *Феномен русской литературной усадьбы: от Чехова до Сорокина+ (колл. монография, ред. и сост. О.А. Богданова)*. Москва, Россия: ИМЛИ РАН, 262–272.

- Батурчик, М.В. *Габитус*. In *Энциклопедия социологии*. <http://bourdieu.name/content/gabitus-enciklopedija-sociologii> (accessed 10.08.2019).
- Бахманн-Медик, Д. (2017). *Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре*. Москва, Россия: Новое литературное обозрение.
- Бахтин, М.М. (1975). *Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике*. Бахтин М.М. *Вопросы литературы и эстетики*. Москва, Россия: Художественная литература.
- Башляр, Г. (2004). *Избранное: Поэтика пространства (пер. с фр.)*. Москва, Россия: РОССПЭН.
- Бенуа, А.Н. (1980). *Мои воспоминания*. Т. 1. Кн. I–III. Москва, Россия: Наука.
- Богданова, О.А. (2019а). *Усадьба и дача в русской литературе XIX-XXI вв.: топика, динамика, мифология*. Москва, Россия: ИМЛИ РАН.
- Богданова, О.А. (2019б). Образ усадьбы-музея в русской литературе 1920-х гг. *Studia Litterarum*, т. 1, 4, 2, 190–205.
- Богданова, О.А. (2019в). Образ рая в русской литературе 1920-1920-х годов: динамика «усадебного топоса». *Вестник славянских культур*, т. 52, 181–192.
- Богданова, О.А. (2019г). Семиотика аллеи, «где кружат листья»: Тургенев, Гумилев, Бунин. *Проблемы исторической поэтики*, т. 17, 2, 233–254.
- Богданова, О.А. (2019д). Архитектура в зеркале литературы: «усадебный текст» в произведениях русских писателей 1920-х гг. *Артикульт*, 1 (33), 108–114.
- Богданова, О.А. (2020а). «Гетеротопия усадьбы» в романе З.Н. Гиппиус «Роман-царевич» (1913). *Проблемы исторической поэтики*, т. 18, 1, 294–314.
- Богданова, О.А. (2020б). «Усадебный миф» в литературе русского постмодерна: деконструкция или реконструкция? *Феномен русской литературной усадьбы: от Чехова до Сорокина+* (колл. монография, ред. и сост. О.А. Богданова). Москва, Россия: ИМЛИ РАН, 296–310.
- Борсук, О.А., Грищенко, В.В. (2004). Рельеф в планировке русских усадеб. *Русская усадьба: Сб. ОИРУ*, вып. 10 (26). Москва, Россия: Жираф, 44–50.
- Булгакова, А.А. (2008). *Топика в литературном процессе (пособие)*. Гродно: ГрГУ.
- Бурдьё, Пьер (2014). *Социальное пространство: поля и практики (пер. с фр., сост. и послесл. Н.А. Шматко)*. Санкт-Петербург, Россия: Алетейя.
- Веденин, Ю.А. (1994). Русские дворянские усадьбы и их роль в возрождении культурного ландшафта России. *Русская усадьба: Сб. ОИРУ*, вып. 1 (17). Москва; Рыбинск, Россия, 29–36.
- Веселовский, А.Н. (1989). *Историческая поэтика*. Москва, Россия: Высшая школа.
- Ворон (Скляднева), П.А. (2018). «Усадебный топос» и «город будущего» в творчестве Велимира Хлебникова. *Артикульт*, 31 (3), 69–78.
- Ворон (Скляднева), П.А. (2019). Усадьба Мордвиновых как художественная коммуна. *Артикульт*, 34 (2), 103–107.
- Глазкова, М.В. (2008). «Усадебный текст» в русской литературе второй половины XIX века (И.А. Гончаров, И.С. Тургенев, А.А. Фет): дис. ... канд. филол. наук. Москва, Россия.
- Глухова, Е.В. (2019). Гетеротопия усадьбы в поэтике русского символизма (часть первая: Зинаида Гиппиус). *Новый филологический вестник*, 4 (51), 178–186.
- Глухова, Е.В. (2020). «Усадебный топос» русского символизма в эго-документальной

- прозе Андрея Белого. *Феномен русской литературной усадьбы: от Чехова до Сорокина+* (колл. монография, ред. и сост. О.А. Богданова). Москва, Россия: ИМЛИ РАН, 48–66.
- Иванова, Л.В. (Ред.). (2001). *Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI–XX вв.: исторические очерки*. Москва, Россия: Эдиториал УРСС.
- Дмитриева, Е.Е., Купцова, О.Н. (2008). *Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай*, 2-е изд. Москва, Россия: ОГИ.
- Дмитриева, Е.Е. (2019). Русская усадьба: семантика, топос и хронос. *Имагология и компаративистика*, 11, 140–173.
- Доманский, В.А. (2006). Русская усадьба в художественной литературе XIX века: культурологические аспекты изучения поэтики. *Вестник Томского гос. ун-та*, 291, 59–60.
- Жаплова, Т.М. (2006). *Образ русской усадьбы в поэзии XIX – начала XX в.* Оренбург, Россия: Изд-во ОГПУ.
- Жеребкова, Е.В. (2012). *Усадьба в русской литературе (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.): дис. ... канд. филол. наук*. Санкт-Петербург, Россия: СПбГУ.
- Иванова, Л.В. (1994). Общество изучения русской усадьбы и задачи его возрождения. *Русская усадьба: Сб. ОИРУ*, вып. 1 (17). Москва; Рыбинск, Россия. 1994, 4–11.
- Комкова, А.В., Решетова, А.В. (2014). Понятие «топос» в современном литературоведении. *Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки: Электронный сб. статей по м-лам XX студ. междунар. научно-практич. конф.* Новосибирск, Россия: СибАК, 5 (20), 134–139. [http://www.sibac.info/archive/guman/5\(20\).pdf](http://www.sibac.info/archive/guman/5(20).pdf) (accessed 10.08.2019)
- Кошелев, В.А. (2003). Усадебная поэзия (К.Н. Батюшков, П.А. Межаков, А.А. Фет). *Русская усадьба: Сб. ОИРУ*, вып. 9 (25). Москва, Россия: Жираф, 391–402.
- Кромин, В.А., Шалыгина, О.В. (2018). Усадьба М.Г. Комиссарова во Владимирской губернии как творческая лаборатория МХАТа. *Карабихские научные чтения. Музей – усадьба – литература: пути и проблемы взаимодействия традиционных культурных институтов в современном мире: М-лы научно-практич. конф. (Ярославль, 5–6 июля 2018 г.)*. Ярославль, Россия: Академия 76, 46–50.
- Кузнецова, Е.В. (2020). Поэтосфера русской усадьбы. *Русская словесность*, 6, 71–74.
- Летягин, Л.Н. (2004). Усадебный металадшафт России. *Русская усадьба: Сб. ОИРУ*, вып. 10 (26). Москва, Россия: Жираф, 2004, 9–18.
- Лихачев, Д.С. (1998). *Поэзия садов: к семантике садово-парковых стилей. Сад как текст*, 3-е изд. Москва, Россия: Согласие: ОАО «Тип. «Новости»».
- Лосев, А.Ф. (1992). *История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития: В 2 кн. Кн. 1*. Москва, Россия: Искусство.
- Махов, А.Е. (2004а). Топос. *Западноевропейское литературоведение*. Москва, Россия: Intrada – Изд-во Кулагиной, 401–403.
- Махов, А.Е. (2004б). Топос. *Поэтика: Словарь актуальных терминов и понятий*. Москва, Россия: Intrada – Изд-во Кулагиной, 264–266.
- Михаленко, Н.В. (2019). Миф об усадьбе в «Путешествии моего брата Алексея в страну крестьянской утопии». *Духовно-нравственное воспитание*, 1, 21–26.
- Нащокина, М.В. (1998). Русские усадьбы эпохи символизма. *Русская усадьба: Сб. ОИРУ*, вып. 4 (20). Москва, Россия: Жираф, 316–345.

- Ойнас, Д.Б. (2020). Ойкумена <https://ojkumena-od.blogspot.com/> (accessed 20.11.2020)
- Павлова, И.Б. (2010). Образы «усадьбы» и «дома» в произведениях М.Е. Салтыкова-Щедрина. *Литература в школе*, 10, 13–14.
- Панченко, А.М. (1986). Тописка и культурная дистанция. *Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения*. Москва, Россия: Наука, 236–250.
- Попова, О.А. (2007). *Образ дворянской усадьбы в русской прозе конца XIX – начала XX веков: дис. ... канд. филол. наук*. Пермь, Россия.
- Пырков, И.В. (2018). *Ритм, пространство и время в русской усадебной литературе XIX века (И.А. Гончаров, И.С. Тургенев, А.П. Чехов): дис. ... доктора филол. наук*. Саратов, Россия.
- Разумовская, А.Г. (2010). *Сад в русской поэзии XX века: феномен культурной памяти: автореферат дис. ... доктора филол. наук*. Санкт-Петербург, Россия.
- Разумовская, А.Г. (2014). *Сады российской поэзии (от символизма до постмодернизма)*. Санкт-Петербург, Россия: ИРЛИ РАН.
- Сафронова, Е.Ю. (2018). Genius loci в поэтике романа Ф.М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели». *Проблемы исторической поэтики*, т. 16, 3, 65–84.
- Спиваковский, П.Е. (2020). Усадебная трансгрессия в рассказе Владимира Сорокина «Настя». *Феномен русской литературной усадьбы: от Чехова до Сорокина+ (колл. монография, ред. и сост. О.А. Богданова)*. Москва, Россия: ИМЛИ РАН, 311–322.
- Стернин, Г.Ю. (1994). Усадьба в поэтике русской культуры. *Русская усадьба: Сб. ОИПУ*, вып. 1 (17). Москва; Рыбинск, Россия, 46–52.
- Тамарченко, Н.Д. (2008). Хронотоп. *Поэтика: Словарь актуальных терминов и понятий*. Москва, Россия: Intrada – Изд-во Кулагиной, 287–288.
- Темирболат, А.В. (2012). Категория хронотопа в свете современных научных концепций литературоведения. *Филологические науки в России и за рубежом: М-лы междунар. заоч. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, февраль 2012 г.), под общ. ред. Г.Д. Ахметовой*. Санкт-Петербург, Россия: Реноме.
- Фуко, Мишель (2006). *Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью (пер. с фр. Б.М. Скуратова)*, часть 3. Москва, Россия: Практика.
- Хворых, Т.О. (1999). Русская усадьба XVIII века: структура и образ. *Русская усадьба: Сб. ОИПУ*, вып. 5 (21). Москва, Россия: Жираф, 11–17.
- Холодова, Е.В. (2001). Образцовые усадебные хозяйства Курской губернии второй половины XIX – начала XX века. *Русская усадьба: Сб. ОИПУ*, вып. 7 (23). Москва, Россия: Жираф, 56–73.
- Щукин, В.Г. (2007). *Российский гений Просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей*. Москва, Россия: РОССПЭН.
- Dmitrieva, Ekaterina (2008). The Country Estate and Russian Literary Imagination (1761–1917). *Gardens and Imagination: Cultural History and Agency. A symposium cosponsored by The Huntington and Dumbarton Oaks (Michel Conan, ed.)*. Washington: Dumbarton Oaks Trustees for Harvard University, 165–190.